

ВЫПУСК IV

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭПОХИ ПЕРВОБЫТНОСТИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭПОХИ ПЕРВОБЫТНОСТИ
И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Выпуск IV

К 60-летию А. В. Уткина

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭПОХИ ПЕРВОБЫТНОСТИ
И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Выпуск IV

К 60-ЛЕТИЮ А. В. УТКИНА

ИВАНОВО
ИЗДАТЕЛЬ ОЛЬГА ЕПИШЕВА

2015

УДК 902.6+903.2
ББК 63.48(2)+63.48(2)
П 78

Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего Средневековья лесной
П 78 зоны Восточной Европы: К 60-летию А. В. Уткина / под ред. Е. Л. Костылёвой и
В. А. Аверина. — Вып. IV. — Иваново: Издатель Ольга Епишева, 2015. — 192 с.

ISBN 978-5-904004-56-9

Предлагаемый сборник включает в себя статьи, посвящённые различным проблемам изучения археологических периодов от эпохи камня до Средневековья. В научный оборот вводятся материалы полевых и камеральных исследований, предметы материальной и духовной культуры, полученные из раскопок разных лет.

Сборник посвящён 60-летию юбилею Александра Витальевича Уткина — археолога, обладающего широчайшим кругозором, изучающего археологию Верхневолжского региона, в частности, и лесной зоны Восточной Европы, в целом, от палеолита до Нового времени.

Издание предназначено для профессиональных археологов, историков, преподавателей и студентов высших учебных заведений, краеведов.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*Е. Л. Костылёва, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
ФГБОУ ВПО “Ивановский государственный университет”*

*В. А. Аверин, кандидат исторических наук,
директор ООО “Ивановская археологическая экспедиция”*

На первой странице обложки:

Рукоять ковш в виде головы утки. Дерево. Стоянка Сахтыш I. Раскопки Д. А. Крайнова

На последней странице обложки:

Антропоморфная фигурка. Кремль. Стоянка Сахтыш IIa. Раскопки Д. А. Крайнова, Е. Л. Костылёвой

(фото О. В. Епишевой)

ISBN 978-5-904004-56-9

© Коллектив авторов, 2015
© О. В. Епишева. Оригинал-макет, 2015

Лапшин В. А. Тверь в XIII—XV вв. (по материалам раскопок 1993—1997 гг.) // Тр. ИИМК РАН. Т. XXX. СПб.: Изд-во филол. ф-та СПбГУ, 2009. 534 с.

Левашова В. П. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ. Вып. 43. М.: ГИМ, 1967. С. 7—54.

Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X—XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода: 1988. М., 1990. С. 29—98.

Макаров Н. А. Русский Север и Лапландия: торговые связи XI—XIII вв. // Российская археология. 1993. № 1. С. 57—75.

Недошивина Н. Г. Перстни // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ. Вып. 43. М.: ГИМ, 1967. С. 253—274.

Полубояринова М. Д. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука, 1988. С. 151—219.

Равдина Т. В. О датировке вятических курганов // Советская археология. 1965. № 1. С. 122—129.

Розенфельдт Р. Л. О производстве и датировке овручских пряслиц // Советская археология. 1964. № 4. С. 220—224.

Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода. Великий Новгород: НГУ, 2001. 390 с.

Рябинин Е. А. Костромское Поволжье в эпоху Средневековья. Л.: Наука, 1986. 160 с.

Седова М. В. Имитационные украшения древнего Новгорода // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978. С. 149—159.

Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.

Черных Н. Б., Карпунин А. А. Абсолютная дендрохронологическая шкала Твери XII—XV вв. // Российская археология. 2001. № 3. С. 46—54.

Черных Н. Б., Карпунин А. А. Абсолютная дендрохронологическая шкала Твери XI — начала XX в. // Российская археология. 2004. № 3. С. 68—78.

Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М.: МГУ, 1972. 216 с.

© О. В. Лозовская
© В. М. Лозовский

ПЕРИОД ПОЗДНЕГО МЕЗОЛИТА И РАННЕГО НЕОЛИТА В ВЕРХНЕМ ПОВОЛЖЬЕ: НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ПАЛЕОГЕОГРАФИИ СТОЯНКИ ЗАМОСТЬЕ 2*

Стоянка Замостье 2, относящаяся к типу озёрных поселений охотников-рыболовов, существовала на побережье мелководного озера в раннем голоцене непрерывно почти около двух тысяч лет. На основе радиоуглеродного датирования было выделено четыре различных хронологических эпизода активного хозяйственного использования водоёма: три из них — ок. 6200—6000 cal BC, ок. 5600—5400 cal BC и ок. 4550—4350 cal BC — соответствуют известным культурным слоям стоянки Замостье 2; один — ок. 4950—4650 cal BC — переход от раннего к среднему неолиту — прямых соответствий не имеет. Данные палинологического, геохимического и микрочувствительного анализа позволили охарактеризовать климатические условия, существовавшие в эти периоды, и выделить основные трансгрессивно-регрессивные стадии в водоёме, влиявшие на хозяйственные стратегии древнего человека.

Ключевые слова: мезолит, неолит, Верхнее Поволжье, палеоэкология, озёрное поселение, охотники-рыболовы, древесные ресурсы, водные ресурсы, динамика растительного покрова.

Палеогеографические реконструкции для первой половины атлантического периода всегда привлекали особое внимание исследователей каменного века, поскольку характеризовали условия существования древнего населения в один из наиболее знаменательных моментов человеческой истории — начала широкого распространения производящего хозяйства и появления керамического производства. Связано это, в первую очередь, с тем, что причины и сам механизм перехода не могут быть в достаточной мере объяснены только в рамках изменений материальной культуры, в т. ч. техническим прогрессом или развитием социального устройства общества. Кажется очевидным поэтому, что к коренной пе-

рестройке жизненного уклада могли подтолкнуть только внешние, природные обстоятельства. Так это или иначе, можно понять лишь на основе детальной реконструкции палеосреды и сопоставления с «событиями» в материальной культуре.

Для периода позднего мезолита — раннего неолита в лесной зоне европейской части России наиболее актуальным остаётся вопрос распространения неополного комплекса неолитических инноваций, характеризующегося восприятием керамического производства при сохранении традиционных форм хозяйства. Палеогеографический контекст этих процессов на протяжении более чем тысячелетней истории территории Верхнего Поволжья

* Работа проводилась при поддержке грантов РФФИ № 11-06-00090а, 11-06-10030к, 12-06-10013к, 13-07-10007к, 13-06-12057 офи-м.

интересно рассмотреть на примере многослойной стоянки Замостье 2, где, благодаря обводнённым торфяниковым отложениям, сохранились многочисленные древесные и растительные остатки, являющиеся уникальным источником информации об окружающем ландшафте.

Стоянка Замостье 2 относится к типу озёрных поселений охотников-рыболовов, о чём свидетельствует, в том числе, и характер инвентаря основных четырёх культурных слоёв памятника. Это не только несколько миллионов рыбных костей среди кухонных остатков, но и находки рыболовных крючков (более 50 экз.), зубчатых острий (более 130 экз.), ножей для чистки рыбы, а также многочисленных вёсел, поплавков и остатков сетей [Лозовская, 2011; Лозовская, Лозовский, 2013; Лозовский и др., 2013а]. В структуру древних поселений, в т. ч. верхнего позднемезолитического и раннеэнеолитического слоёв, входила также и экономическая зона древнего водоёма, где был открыт уникальный комплекс рыболовных сооружений. Он включал конструкцию из трёх конусовидных ловушек-вершей, остатки лёгких перегородок из длинных расщеплённых лучин, а также долговременных хозяйственных построек из вертикально вбитых кольев на дне современного русла реки Дубны [Лозовский и др., 2013б].

Большая серия радиоуглеродных дат для деревянных объектов (40 дат) позволила выявить четыре различных хронологических эпизода активного хозяйственного использования водоёма. Три из них — ок. 6200–6000 cal BC, ок. 5600–5400 cal BC и ок. 4550–4350 cal BC — соответствуют известным культурным слоям стоянки Замостье 2; один — ок. 4950–4650 cal BC — переход от раннего к среднему неолиту — прямых соответствий не имеет [Лозовская и др., 2013].

Систематическое определение пород древесины, использовавшейся для изготовления орудий и для строительных нужд (более 260 определений выполнены к. б. н. М. И. Колосовой, Государственный Эрмитаж) выявило ряд характерных черт, среди которых — пространственный список пород и высокий процент широколиственных видов деревьев. Во всех археологических слоях наиболее востребованными породами для изготовления инвентаря были сосна, берёза и вяз, в сумме они достигают 50–60 %, сосна доминирует. Вторая по численности группа — ивовые (ива, осина, тополь) и ясень — 18–26 %. Единично фиксируется использование черёмухи (6 % в нижнем слое), ольхи, ели (по 2 экз.), клёна, калины, дуба и липы (по 1 экз.), всего 14 видов деревьев. Для вершей и перегородок — сосна, ель, ива; для сооружений из кольев — граб, тополь, черёмуха, ива [Лозовская, Лозовский, 2014]. В частности, присутствие граба было зафиксировано для региона впервые.

Использовались как ветви и молодые деревья, так и крупные стволы диаметром не менее 20 см (сосна, вяз, ива, осина), с учётом ширины ряда предметов (например, вёсла) и изгиба годичных колец. Это указывает на существование настоящих лесов в доступной близости от стоянки. Большинство веток принадлежат сосне и берёзе.

Принципиально новые данные получены по результатам спорово-пыльцевого анализа (к. б. н. Е. Г. Ершова, МГУ) [Ершова, 2013]. Локальные изменения растительности в районе стоянки носили, по всей видимости, постепенный характер, отражая растянутый во времени процесс обмеления, зарастания и заболачивания обширного древнего водоёма ледникового происхождения. Этот процесс, согласно пыльцевым и радиоуглеродным данным, имел место в самом начале атлантического периода и продолжался на протяжении многих тысячелетий, вплоть до конца 1920-х гг., когда была проведена широкомасштабная мелиорация и осушение болот в поймах рек Дубна и Сулать [Пришвин, 1929]. В начале XX в. эта территория представляла собой мозаику участков открытой воды с разнообразной мелководной растительностью, узких протоков и непроходимых болот, с зарослями тростника, камыша и рогоза, с кочками и кочующими островками, перемежающимися с заболоченными ольшаниками, ивняками и березняками [Флёров, 1902: 128–145].

Близкий по составу древесной и недревесной флоры ландшафт реконструируется для окрестностей стоянки и в атлантический период. Он составляет, по мнению Е. Г. Ершовой, локальный компонент в пыльцевом спектре, включающий пыльцу таких деревьев, как берёза, в особенности берёза кустарниковая, которая, как и ивы, растёт на болотах или образует заросли вокруг водоёмов, а также ольха (черноольшаники) и сосна (сфагновые сосняки); среди трав и споровых преобладали болотные, водные или другие влаголюбивые растения, которые со временем постепенно вытеснялись наземными. Общая тенденция развития этого растительного комплекса была направлена в сторону постепенного осушения территории, однако важным обстоятельством являлось его динамическое равновесие в рамках незначительных колебаний местных гидрологических условий и устойчивость к внешним климатическим изменениям [Ершова, Карпухина, 2014]. Второй компонент — региональный или зональный. В региональной растительности конца бореального и всего атлантического периода преобладали широколиственные леса, в состав которых входили дуб, клён, липа, ильмовые, найдена пыльца граба, а также орешника. При этом доля широколиственных деревьев оставалась постоянной — ок. 10–15 % — на всём протяжении существования древних поселений [Ершова, 2013].

Таким образом, водораздельные леса являлись для древнего населения источником древесины вяза, клёна, очевидно, ясеня, а также граба. Основные использовавшиеся породы — берёза и сосна, а также ива, ольха и черёмуха — происходили из прибрежных заболоченных и сфагновых лесов с повышенной влажностью.

Предварительные результаты анализа семян и макроостатков растений (М. Бериуэте-Асорин) показали любопытную картину распределения водных и лесных видов между мезолитическими и неолитическими слоями. Так, в мезолите значительно преобладают такие водные растения, как ежеголовники,

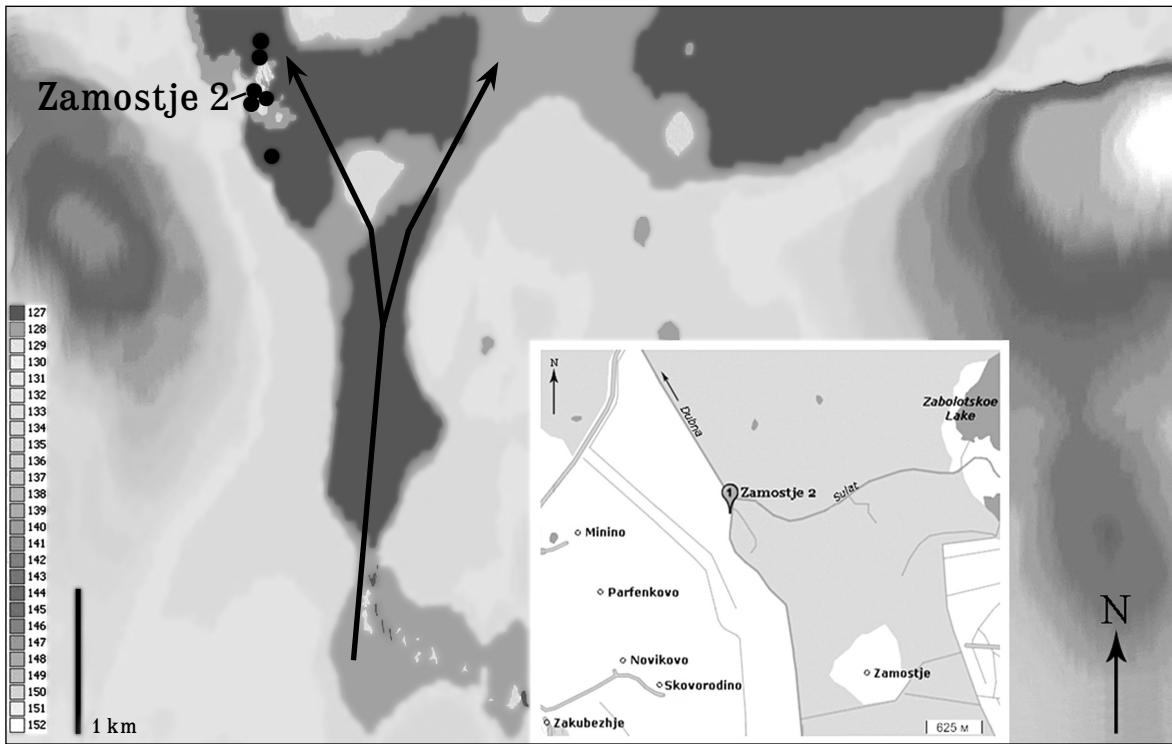

Рис. 1. Реконструкция палеорельефа в окрестностях стоянки Замостье 2 (К. Н. Мазуркевич)

рдесты, вахта трёхлистная, в то время как кубышка жёлтая, несмотря на свою многочисленность, лучше представлена в неолите [Verihuete-Azarin, Лозовская, 2014: fig. 1]. Семена лесных ягод — малины, ежевики, костяники — встречаются только в мезолитических слоях, а скорлупа желудей — только в неолите. Ягоды черёмухи, в т. ч. обгорелые, и калины, в т. ч. на нагаре сосудов, чаще датируются неолитом.

Постепенное на протяжении тысячелетий понижение уровня палеоводоёма фиксируется и по данным геохимического анализа отложений [Кулькова, 2014]. На основании корреляции определённых геохимических индикаторов были оценены условия осадконакопления, включающие глубину водоёма, относительную температуру и относительную влажность. Нижняя пачка отложений, вмещающая культурные остатки эпохи позднего мезолита, раннего и среднего неолита, представлена разными типами озёрных сапропелей. В нижней части накопления отражают условия трансгрессии в мелководном, хорошо аэрируемом водоёме, с прохладным и сухим климатом. Выше по разрезу климатические условия становятся более влажными и более тёплыми, увеличивается продуктивность водоёма. В средней части пачки сапропелей фиксируется скачок в условиях осадконакопления — понижается уровень водоёма, увеличивается содержание разложившейся растительности при относительно высоких температурах. В археологическом плане это соответствует самому концу позднего мезолита. Осадки периода раннего неолита характеризовались новым повышением воды и похолоданием. В дальнейшем тёплые и влажные условия климатического максимума (средний неолит) при уменьшении уровня воды привели к уменьшению продуктивности и зарастанию водоёма.

94

Можно предположить, что кратковременные регрессивные и трансгрессивные периоды, которые реконструируются на основе археологических [Лозовская и др., 2013] и геологических данных [Алёшинская и др., 2001], а также по результатам геохимического анализа, не были столь значительны, чтобы привести к серьёзным изменениям ландшафта, и отражались, главным образом, в контурах береговой кромки.

Таким образом, в течение более чем двух тысяч лет с позднего мезолита до среднего неолита поселения древних людей были приурочены к самому берегу крупного мелководного водоёма, с показателями высокой продуктивности, окружённого прибрежной водно-болотной растительностью. Этот ландшафт представлял собой исключительно благоприятные условия как для рыбной ловли, так и для сопутствующей ей охоты на птицу [Маннермаа, 2013]. Заросли заболоченных ивняков и березняков по краям палеозера и различных протоков являлись также местом обитания лося и бобра — основных промысловых животных на протяжении позднего мезолита и неолита. Зимняя охота могла происходить и в расположенных поблизости широколиственных водораздельных лесах и сосняках, отсюда же бралось древесное сырьё для производства деревянного инвентаря и рыболовных конструкций (сосна, вяз, ясень, граб и др.).

Хозяйственное освоение водных пространств, выраженное в сооружении деревянных конструкций, связывается в одних случаях с регрессивными фазами (верхний позднемезолитический слой и слой льяловской культуры среднего неолита), в других случаях — с мелководными участками трансгрессивного этапа (ранне-неолитическое поселение). Существенной в данном случае, вероятно, являлась

глубина водоёма. Разница по глубине залегания вершей раннего неолита и «загородок» позднего мезолита составляет не менее 130 см. Постройки среднего неолита, по имеющимся на сегодняшний момент косвенным данным, могли находиться на удалении от коренного берега, но не на открытой воде.

Важно подчеркнуть, что влияние изменений уровня палеоводоёма на расположение поселений отмечается нами, прежде всего, по отношению к исследуемой территории стоянки, на которой мы изучаем то жилую площадку, то прибрежный участок водоёма. Положение же самих древних поселений относительно кромки современного им берега оставалось в целом одинаковым. Для стоянки Замостье 2 остатки жилой площадки поселения позднего мезолита (верхний слой) приурочены к наиболее высокому по абсолютным отметкам участку древней дневной поверхности этого периода (в т. ч. в раскопе с вершами). В реконструкции палеорельефа эта часть памятника находится в центре мыса, глубоко вдающегося в палеозеро (рис. 1). В раннем неолите часть этой территории была залита водой, о чём красноречиво свидетельствуют найденные в рабочем положении рыболовные верши [Lozovski et al., 2014: fig. 10].

Все данные естественно-научных анализов однозначно указывают на то, что и окружающий ландшафт, и экономика поселений на протяжении двух тысяч (и более) лет оставались практически неизменными. Это касается как охоты на промысловых животных (лось, бобр, в неолите в незначительном количестве появляется кабан) и на птиц (водные и водно-болотные, в неолите возрастает роль тетере-

виных), так и массовой рыбной ловли (щука, окунь и карповые). Все небольшие изменения происходят в рамках одной экологической ниши, которую следует признать исключительно благоприятной для древнего человека.

Смена археологических эпох, — а наиболее существенным изменением в материальной культуре местного населения, бесспорно, явилось появление керамического производства, — на территории стоянки Замостье 2 (как и на многих других памятниках бассейна Верхней Волги) пришлось на начало трансгрессивного этапа развития палеоводоёма. Однако ни распространение посуды, ни другие новшества в традициях изготовления и использования орудий труда и деревянных конструкций никак не изменили основного хозяйственного уклада обитателей озёрных поселений. По всей видимости, как местное мезолитическое население, так и приходившие сюда новые группы людей (с керамикой, с новыми технологиями) воспринимали эту экономическую модель как оптимальную для данных условий. Сохранение многих типологических традиций в каменном и костяном инвентаре может объясняться как адаптацией к одним и тем же хозяйственным задачам, так и тем, что аборигенное мезолитическое население на протяжении, по крайней мере, раннего неолита оставалось на данной территории основным компонентом.

Таким образом, именно экологическая ниша и оптимальная для неё модель хозяйствования оказали влияние на развитие человеческой культуры и не привели к появлению производящего хозяйства на этой территории вплоть до начала железного века.

ЛИТЕРАТУРА

Алёшинская А. С., Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А. Геолого-палеоэкологические события голоцена и среда обитания древнего человека в районе археологического памятника Замостье 2 // Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры. Материалы междунар. конф. 1–5 июля 1997 г. Сергиев Посад, 2001. С. 248–254.

Ершова Е. Г. Результаты ботанического и спорово-пыльцевого анализа по разрезам стоянки Замостье 2, 2013 г. // Замостье 2. Озёрное поселение древних рыболовов эпохи мезолита — неолита в бассейне Верхней Волги / Под ред. В. М. Лозовского, О. В. Лозовской и И. Клемента Конте. СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 182–193.

Ершова Е. Г., Карпущина Е. А. Проблемы интерпретации результатов палинологического анализа разрезов стоянки Замостье 2 // Природная среда и модели адаптации озёрных поселений в мезолите и неолите лесной зоны Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН, 2014. С. 70–73.

Кулькова М. А. Первые результаты реконструкции палеогеографии и жизнедеятельности древнего человека на стоянке Замостье 2 по данным геохимического анализа // Природная среда и модели адаптации озёрных поселений в мезолите и неолите лесной зоны Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН, 2014. С. 58–63.

Лозовская О. В. Деревянные изделия стоянки Замостье 2 // Российская археология. 2011. № 1. С. 15–26.

Лозовская О. В., Лозовский В. М. Зубчатые остряки и наконечники с зубцом стоянки Замостье 2 // Замостье 2. Озёрное поселение древних рыболовов эпохи мезолита —

неолита в бассейне Верхней Волги // Под ред. В. М. Лозовского, О. В. Лозовской и И. Клемента Конте. СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 76–109.

Лозовская О. В., Лозовский В. М., Мазуркевич А. Н. Палеоландшафт рубежа мезолита — неолита на стоянке Замостье 2 (бассейн Верхней Волги) // VIII Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода «Фундаментальные проблемы квартара, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований». Сб. ст. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 379–381.

Лозовская О. В., Лозовский В. М. Использование древесины в позднем мезолите — раннем и среднем неолите на озёрном поселении Замостье 2 // Природная среда и модели адаптации озёрных поселений в мезолите и неолите лесной зоны Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН, 2014. С. 64–69.

Лозовская О. В., Лозовский В. М., Клемента Конте И., Мэгро Й., Гиря Е. Ю., Радуга В., Десс-Берсе Н., Гассьот Бальбе Э. Рыболовство эпохи позднего мезолита и раннего неолита по материалам исследований стоянки Замостье 2 // Замостье 2. Озёрное поселение древних рыболовов эпохи мезолита — неолита в бассейне Верхней Волги / Под ред. В. М. Лозовского, О. В. Лозовской и И. Клемента Конте. СПб.: ИИМК РАН, 2013 (а). С. 18–45.

Лозовский В. М., Лозовская О. В., Клемента Конте И., Мазуркевич А. Н., Гассьот-Бальбе Э. Деревянные рыболовные конструкции на стоянке каменного века Замостье 2 // Замостье 2. Озёрное поселение древних рыболовов эпохи мезолита — неолита в бассейне Верхней

Волги / Под ред. В. М. Лозовского, О. В. Лозовской и И. Клементе Конте. СПб.: ИИМК РАН, 2013 (b). С. 46–75.

Маннермаа К. Охота на птиц среди озёр и болот на стоянке Замостье 2, Россия, ок. 7900–6500 л. н. / Замостье 2. Озёрное поселение древних рыболовов эпохи мезолита — неолита в бассейне Верхней Волги / Под ред. В. М. Лозовского, О. В. Лозовской и И. Клементе Конте. СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 214–229.

Пришвин М. М. Журавлиная Родина. Повесть о не удавшемся романе // Новый мир. 1929. № 4–9.

Флёров А. А. Флора Владимирской губернии. М., 1902.

Berihuete Azorin M., Лозовская О. В. Evolution of plantuse at the wetlands site Zamostje 2, Sergiev Posad, Russia: First results // Природная среда и модели адаптации озёрных поселений в мезолите и неолите лесной зоны Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН, 2014. С. 74–79.

Lozovski V., Lozovskaya O., Mazurkevich A., Hookk D., Kolosova M. Late Mesolithic — Early Neolithic human adaptation to environmental changes at an ancient lake shore: The multi-layer Zamostje 2 site, Dubna River floodplain, Central Russia // Quaternary International, 2014. Vol. 324. Human dimensions of palaeoenvironmental change: Geomorphic processes and geoarchaeology. Ed. by M. Bronnikova and A. Panin. P. 146–161.

© Е. Л. Лычагина

© Е. Н. Митрошин

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ СКОБЛЕВИДНЫХ ОРУДИЙ С НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ

Статья посвящена комплексному анализу скоблевидных орудий. Под ними понимаются скребки и скребели. Были использованы материалы семи неолитических памятников, расположенных на территории Верхнего и Среднего Прикамья. Проведённый анализ показал, что отсутствует разница в выборе сырья в зависимости от типа орудия. Для изготовления большинства орудий использовался серый и коричневый кремль различных цветовых оттенков. В то же время, существуют определённые различия в выборе заготовок и характере вторичной обработки между орудиями различных типов. Также были отмечены некоторые культурные отличия.

Ключевые слова: Прикамье, неолит, каменный инвентарь, скребки, скребели, типологический анализ, трасологический анализ.

К скоблевидным орудиям мы относим изделия, имеющие острый или слегка притуплённый край, в некоторых случаях специально подготовленное лезвие, служащее для счищения поверхностного слоя с чего-либо (шкура, дерево, кость, рог). Для неолита Прикамья характерны два вида скоблевидных орудий — скребки и скребели.

К скребкам мы относим орудия, которые типологически определяются как скребки и на которых имеются следы скобления, подтверждённые трасологическим анализом, а также изделия без дополнительной подработки, на которых трасологически фиксируются следы использования в качестве скребков. Это изделия из камня, чаще всего имеющие дугообразной формы рабочий край, обработанный крутой притупляющей ретушью либо без неё. На орудиях также могут присутствовать следы работы — ретушь утилизации.

Типологически в качестве скребелей определяются орудия со специально обработанными выемками. Трасологически к скребелям нами были отнесены все орудия с изогнутой (чаще всего вогнутой) формой лезвия, которые выполняли функцию скобления твёрдых материалов (дерево, кость, рог).

Эти категории изделий, наряду с режущими орудиями, являются наиболее многочисленными на памятниках каменного века на территории Верхнего

и Среднего Прикамья. Применение трасологического метода позволяет нам получить более объективную картину использования скребков и скребелей в хозяйственной деятельности местного населения [Поплевко, 2007].

Для анализа были использованы материалы семи памятников, относящихся к трём различным культурам (табл. 1–6). Это стоянка Хуторская, поселения Чернушка и Чашкинское Озеро IIIa, относимые к камской неолитической культуре (КК) [Денисов, 1960. С. 34–72; Бадер, 1970. С. 157–171; Мокрушин, Лычагина, 2003. С. 31–40; Лычагина, 2013a], стоянки Чашкинское Озеро IV, VI и VIII, относимые к волго-камской неолитической культуре (ВКК) [Лычагина, 2007a. С. 51–59; Лычагина, 2007b. С. 105–115], и новоильинский комплекс (НК) стоянки Чашкинское Озеро I (поздний неолит — ранний энеолит) [Лычагина, 2008. С. 177–184].

В работе были задействованы материалы только тех раскопок, для которых был проведён трасологический анализ каменного инвентаря и чётко определена культурная принадлежность основного комплекса [Лычагина, 2010. С. 119–126; Лычагина, Поплевко, 2011. С. 4–10; Лычагина, Поплевко, 2012. С. 16–30; Лычагина и др., 2014. С. 15–27].

Количество типологически выделенных орудий представлено в таблице № 1. На всех памят-